

В пасхальную ночь — эпизод 2 из 6

Вскоре подошли эти «машинники», как зовут здесь членов колхоза «Труд» за то, что у них три трактора «Интернационал». С ними пришел и председатель сельсовета, молодой еще человек, в потрепанной шинели старого образца.

— Так вы что не заносите? — обратился он к приезжим. — Там ведь комнатка есть... Командировочные тут у нас всегда останавливаются.

— Комната есть, а двери где? — быстро отозвался парень в резиновке.

— Воровства у нас нет, — обиделся председатель. — Коней, случалось, когда сведут... а чтоб другого баловства — ни-ни... Где положишь, тут и возьмешь.

— Про то не говорят, — отмахнулся приезжий. — Груз-то у нас особый — липучий. Всякие цапанцы-лапанцы, вроде вот этих, — указал он на подростков, — обязательно под крышку заглянуть норовят... Ну, и портят, случается... Не отвернись... Нарочно с собой кольца и свой замок вожу... чтоб понадежнее было... Чуланчик бы хоть какой, только бы запирать можно.

— К Ваштаганихе нето их направь, Иван Афанасьич, — посоветовал один из колхозников.

— Каюта у ей ровно на миноноске — хоть узко, да крепко... И ребятишек нет...

— Туда, видно, придется, — согласился председатель, — старуха она советская, бедняцкого слою. Только к религии приверженность имеет большую и девку свою на те же копылья поставила... Монашки вроде... А так ничего... не вредная старуха... Тесно только двоим-то, поди, будет...

— Нам ведь не сидеть, — отозвался приезжий пожилой рабочий, до сих пор молча смотревший на шумливую ребячью толпу.

— Мне вот и вовсе не к чему туда ехать... Дела хватит до потемок. — И он стал вытаскивать из плетушки мотки проволоки, деревянный баульчик и какие-то изогнутые железины, похожие на серпы.

— Вези нето этого товарища, Саватеич...

— Вон в тот проулок, за церкву... Знаешь Ваштагановых-то?

— Знаю будто... На три окошка, второй дом...

— Он и есть.

— А пустят?

— Пустят. Да вот тебя Гриша Чукреев проводит... Он у нас активист к Ваштагановым ходить... в колхоз их зовет, — бабу со внучкой... Да все как-то у них разбежка выходит, — с улыбкой «разъяснял вопрос» один из «машинников».

— Чего ж, и провожу, — откликнулся подвижной колхозник в защитного цвета рубахе, по уличному прозвищу Гриша Стрижок.

— Раз мне знакомые, а товарищ затрудняется — почему не проводить? А насчет разбежки потом говорить будем, — с задором бросил он в сторону «разъяснителя».

— Либо ты в монахи, либо Дуня в колхоз? — пошутил тот.

Ребятня толпа, отвлеченная пучками проволоки и особенно скобами, не увязалась за Саватеичем, когда он направил свою лошаденку в сторону Ваштагановых.

Хорош голос у Дуни Ваштагановой. Старенький попик очень одобряет.

— Украшение хора Дуня наша. До слезы трогательно выводит. Через десятки лет такие ангельские голоса бывают. Наградил господь за родительские молитвы.

Прихожанам тоже по сердцу сильный, чистый голос. Про регента Кузьму Вертишлеева говорить нечего. С такой важностью вытянется и так гордо кругом глянет, будто сам он поет. Так и шло дело. Еще с подростков бегала Дуня в церковь и «украшала». За последние годы, правда, дорожка в церковь не такая гладкая стала. Перед подружками порой обидно станет, как кольнет которая: «Старушечья радость!» — да и Гриша Стрижок голову забивает. Но как обидеть бабу? Да и не это главное. А вот тянет к складному церковному напеву. С песней его не сравнишь. Не зряшное оранье, кто как вздумал, а настоящая красота, если голоса подберутся, да каждый вовремя запоеет — не забежит, не отстанет...

Всю пятницу у Дуни держалось торжественное настроение. Накануне вечером она пела любимую церковную песню «про разбойника».

Безвыходная тоска этого церковного напева, кончающегося страстным криком мольбы, всегда захватывала Дуню. И ныне регент Кузьма не один раз высморкался и протер ребром ладони подглазицы, когда на фоне густого баса

хлебопродуктовского бухгалтера из бывших дьяконов истомно взметнул ввысь тоску красивый девичий голос.

Кузьма — строгий регент. Считает ошибкой хвалить своих хористов, а тут не удержался.

— Ровно херувимы и серафимы, — и, злобно покосившись на редкую толпу старух и стариков, добавил: — Не по коню корм. Клячи глухие — что они разберут...

И Дуне обидно, что нет Гриши, нет близких подружек. Один Гераско Нагматуллин уставился на нее своими оловяшками. Не парень — чурбан осиновый. Иструх уж теперь, хоть и рыло наел. В женихи еще лезет...

Обида на редкую толпу старух, на Герасковы оловяшки еще больше усилила тоску церковных песен, когда Дуня пела их дальше.

Но самой Дуней завладела эта мрачная красота. Перестала замечать струю самогонного перегара, которую на высоких нотах густо выпускал всегда полупьяный бухгалтер-дьякон. Забылись старухи, Гераско. Казались перед глазами другие слушатели, для которых радостно петь. И в первом ряду Гриша...